

**Выступление на заседании Круглого стола «Эволюция российского
«среднего класса»: причины, содержание и перспективы»**

9 декабря 2014 г.

Елена Михайловна предположила, что я предложу какие-то другие количественные границы среднего класса. Нет, не предложу. Потому что мне кажется правильнее придерживаться позиции, что определять тут нечего. И двадцать лет назад тоже было нечего определять, потому что понятие «средний класс» как в середине 90-х годов было плохо применимо для нашего общества, так, несмотря на существенные качественные изменения, произошедшие с нашим обществом за последние пятнадцать-двадцать лет, это понятие по-прежнему плохо объясняет то, что происходит с нашим обществом.

В середине 90-х годов задача поиска среднего класса была двусторонней. Ее практическая сторона была связана с растущими доходами массовых слоев населения, которые надо было как-то осмыслить для того, чтобы понять объем и структуру потребительского спроса. Новых потребителей надо было описать, надо было понимать. С ними надо было работать в маркетинговом смысле. Термин «средний класс» казался удобным для этих целей, поскольку позволял ориентироваться на западные модели потребления.

Не случайно первым, кто сделал большую работу по поискам среднего класса, был журнал «Эксперт», ориентированный на широкий круг практиков и экспертов.

Вторая задача поисков среднего класса была сугубо идеологической. И как было написано и у вас тоже в этой бумаге, это была задача оправдания достижений лет перестройки. Это, мне кажется, было понятно с самого начала.

Обе эти задачи на самом деле к понятию среднего класса, сформированному почти сто лет назад и применимому для того этапа развития западных капиталистических обществ, не имеют никакого

отношения. Зато с идеологической точки зрения действительно такой логический конструкт был очень простой и эффективной. Если у нас есть средний класс, значит, он обладает свойствами поддержания достигнутого в обществе баланса политических сил, он самостоятельный, он стабилизирующий, он одобряющий сложившуюся политическую и организационную структуру общества.

Собственно говоря, так все и строилось.

Я совершенно соглашусь с Еленой Михайловной, что да, была найдена устойчивая группа общества, примерно в пятую часть этого общества, которая адаптировалась. Но мне здесь хотелось сказать, что тогда мало кто хотел разбираться с тем, как именно она адаптировалась, к чему она адаптировалась, каковы были механизмы этой адаптации, и насколько они соответствовали идеальным представлениям о демократических институтах, свободах. Они адаптировались совсем к другому. Последние годы показали, что их дальнейшее развитие в нулевые годы, дрейф в сторону государственно-бюджетного сектора и плюс, как Л.Гудков любит говорить, «силовики» совершенно очевидным образом вытекает из того характера адаптации, которую исследователи, мне кажется, недостаточно внятно зафиксировали тогда в 90-е годы, остановившись на том, что «да, адаптировались».

Вопросов нет – адаптировались. Но то, как они адаптировались - тем самым ответ на второй вопрос, который Елена Михайловна поставила: стали ли они агентами модернизации? Конечно, не стали, потому что они адаптировались к другому.

Именно поэтому мне кажется, что понятие среднего класса и изучение структуры и динамики российского общества в терминах среднего класса нам мало что объясняют из того, что происходило с российским обществом и ранее, и сейчас.

Для этих объяснительных целей мне кажется более правильным использовать понятие «бедности». Речь идет не о бедности в смысле нищеты, голода и прочих бедствий на физическом уровне. Хотя и об этом тоже, скажем, двадцать лет назад. Но этот параметр действительно изжит, и действительно наша страна по количественным показателям доходов, да и по

многим параметрам потребления прекрасно выглядит как средняя в мире страна.

Но благодаря той структуре, которая воспроизводится, благодаря тому, что дееспособная, самостоятельная часть общества состоит из одной пятой общества, и она адаптирована к тому, чтобы быть такой именно потому, что она составляет меньшинство общества и живет, вообще-то говоря, за счет остальной части общества. Остальная часть остается в бедности. В бедности, в данном случае воспроизводимой на уровне представлений, в том числе потребительских представлений, как я говорю, потребительских горизонтов. Представлений о том, на что может рассчитывать массовый человек, какова мера его экономической самостоятельности. Большинству в голову не приходит, что задачи обеспечения жильем, качественным образованием, качественным здравоохранением могут ставиться и могут решаться как задачи на уровне семьи, индивидуальные задачи.

Все, условно говоря, либеральные модели реформирования здравоохранения, образования, которые предполагали бы более широкое участие самих реципиентов, населения в удовлетворении этих потребностей, да и жилье тоже, они встречают отпор не только со стороны тех, кто на сегодняшнем уровне совершенно точно не имеет для этого достаточных средств, но не приветствуется и теми, кто, казалось бы, вполне может себе это позволить.

И в этом смысле очень хороший пример – это страховая медицина и мера неготовности высокодоходных слоев населения перестраивать процесс организации системы здравоохранения с учетом повышения платности. Никто этого не хочет из высокодоходных слоев тоже. Весь опыт адаптации убедил высокодоходные слои населения в том, что наилучшая модель, которая прекрасно воспроизводится, это когда у них есть возможность (лучше бы, конечно, легальная) отдельно доплачивать за особые услуги, но ни в коем случае не брать на себя полную ответственность за собственную жизнь. Лучше легальная, потому что так все-таки приятнее. При всем широком распространении нелегальных форм, они пока еще вызывают отторжение. Поэтому лучше бы, чтобы сохранились легальные формы дополнительных платных услуг, но не базовых.

Это все отрывка бедного сознания, бедного воображения, которое демонстрируют, казалась бы, материально независимые и по всем прочим параметрам пригодные для самостоятельного существования слои населения. И такое сознание очень быстро возвращает, казалось бы ставшие самостоятельными высокодоходные слои населения «под крыло государственной власти» при любых экономических катаклизмах. Мы это очень хорошо видели в 2008 году.

У нас есть такой инструмент в Леваде-Центре – индекс социальных настроений (ИСН). С одной стороны, это сводный показатель, который измеряет температуру в обществе. С другой стороны, поскольку он состоит из многих компонентов, структурно он состоит из условно самостоятельных факторов, отражающих разные стороны жизни. ИСН позволяет сделать анализ взаимозависимости того, какие стороны жизни имеют большее или меньшее значение для формирования общественного оптимизма.

В середине 2000-х годов на фоне общего роста благосостояния и стабилизации экономики в высокодоходных слоях населения структура формирования социального оптимизма принципиально отличалась от остального общества. Принципиальное отличие состояло в том, что оценки власти, а соответственно, позиционирование в этой сфере надежд на улучшение, оказывались ниже, чем оценки собственного материального достатка, чем надежды на развитие страны.

Это, по-моему, свидетельствует о том, что власть рассматривалась как менее важный ресурс оптимизма, чем собственная деятельность, обстоятельства частной жизни. И этот процесс стал потихоньку распространяться в более низкие слои населения. В 2008 году все очень быстро перевернулось. И вместе со всем остальным населением наши высокообеспеченные граждане также стали давать наиболее высокие оценки власти, а не другим факторам формирования социального оптимизма.

То, что мы видим в последний год, выглядит совсем удручающе. В начале года индекс социальных настроений немножко среагировал на операцию «Крым – наш» и временно незначительно рос, не смотря на слабую отрицательную тенденцию на протяжении последних почти четырех лет.

С начала лета индекс социальных настроений опять перестал расти, стал чуть-чуть снижаться. Но при этом его составляющая, связанная с

оценками власти, по-прежнему шла вверх. Начиная с осени, притормаживает, но по-прежнему идет вверх. То есть готовность «стать под флагом» немедленно проявляется в самых высокодоходных слоях населения, так же, как и у всего остального населения.

Один из поставленных в дискуссии вопросов: каковы в свете нынешних тенденций перспективы субъекта, который сейчас называют средним классом? Мне кажется, что в сегодняшних социально-политических условиях этот конструкт с точки зрения власти, скорее всего, изжил себя, как идеологический инструмент потерял значение и интерес для власти. Потому что, я думаю, власть больше заинтересована в обращении к самым широким слоям населения, которые не обязательно удовлетворяют критериям среднего класса, но позволяют формировать широкую электоральную единую массу, не выделяя в ней лидирующие слои. А функции определения социальных ориентиров полностью передаются высшему руководству страны.

Мне кажется, что запрос на срединные относительно самостоятельные слои населения перестал быть актуален в рамках сегодняшнего социально-политического дрейфа.

М.Д. Красильникова. Не благодаря моделям адаптации. Как раз были трудовыми моделями. Насколько я это изучала, они были трудовые. Это была вторичная занятость во многих случаях. Это было освоение совершенно новых видов деятельности. Как консервативный вариант это было личное подсобное хозяйство. Я говорю о таких трудовых моделях.

А то, что институциональные условия стали таковыми, что в средний класс стали попадать силовики или представители бюджетного сектора, или в еще большем количестве управленцы и чиновники, к адаптации это не имеет никакого отношения. Это имеет отношение к тому, как складывались правила игры.

Я бы еще хотела ответить на первый вопрос. Я не вижу такого большого противоречия в том, что Вы сказали: либо механизм адаптации, либо институциональные условия. Это вещи неразрывные. И я совершенно соглашусь с Еленой Михайловной в том, что в значительной мере механизмы адаптации носили, что называется «нравящиеся нам» «трудовые признаки адаптации» на основе личного вклада, предпринимательской инициативы.

Когда я говорила о характере этой адаптации, я имела в виду, что предпринимательские навыки и трудовой характер адаптации оказывались в эффективными только тогда, когда поддерживали сложившиеся уже тогда и еще более закрепленные после кризиса 98-го года институциональные условиями, в которых приходилось реализовывать эти самые трудовые инициативы и предпринимательские навыки. Эффективным становилось предпринимательство, которое вписано в контекст государственно-патерналистской идеологии. Эффективными оказывались трудовые навыки, которые учитывают именно этот контекст, а не вообще любые трудовые навыки.

А.В. Рябов. Если мы говорим о том, что институциональная смена моделей, начавшаяся условно с августовского дефолта 98-го года, все-таки имела некое влияние, воздействие на успешных адаптантов 90-х, почему в данном случае они не проявили некоего качества такой социальной субъектности, а, в общем, пошли за событиями, оказались вовлечены в них? У них не было какого-то своего видения или что-то еще? По крайней мере этот вопрос, согласитесь, возникает здесь.

М.Д. Красильникова. Я даже не могу ответить на этот вопрос, потому что вообще это вопрос вопросов, конечно. Но соглашаясь с тем, что, конечно, это адаптивный класс, и, конечно, среди трудовой стратегии, которая нам нравится, выявилась магистральная, которая нам не нравится, принять правила игры и им следовать, а исходя из этих правил игры, найти самую эффективную практику здесь и сейчас... И благодаря тому, что потребительское поведение гипертрофировалось и съело все другие формы поведения на каком-то этапе и даже на том драматическом этапе кризисов, когда потребительские возможности сужались...

Все эти обстоятельства... Я тут не в теме, я не могу обсуждать эти проблемы чисто политические. Я чувствую больше социально-экономические. Но благодаря всем этим институциональным условиям и тому, как этот средний класс разместился в этих условиях, он не выработал никаких способов и моделей консолидировать и выразить свои интересы. Он так и влекся позади, адаптивно принимая предложенные правила игры.

А дальше, когда он стал очень большим, когда он стал неопределенным, на мой взгляд, актуализировалась, но не решилась проблема его этической идентичности.

Мне кажется, те вопросы, которые поднимала Ольга... Все же тогда путались в этих терминах – средний класс, креативный класс, то, всё, не пойми чего. Как выделяется, как идентифицируется? А внутри были некоторые этические основания. Мы можем это терпеть и продолжать уважать себя, или все-таки нет, или надо как-то себя вести? Это этическое основание, о котором ваш директор написал блистательную статью, на мой взгляд, которая называлась, по-моему, «Социология морали».

Мне кажется, что дифференциация будет происходить здесь. Но пока эта дифференциация не произошла. А произойдет она только в момент сильного вызова, которым уже пахнет, но не раньше. Он так и будет тащиться позади предложенных вариантов.

М.Д. Красильникова (?). ... Происходит редукция механизмов регулирования общества вообще. Мы это видим даже просто на примере этих самых «чистых выборов», как «чистота выборов» доказывалась с помощью веб-камер, что выхолащивает смысл демократической процедуры до самого примитивного уровня. То есть это сведение всех общественных отношений до уровня количественных.

А моральное регулирование – это принципиально иной порядок регулирования. Это иной порядок взаимоотношений. Для того чтобы он заработал, пространство иных, более высокого порядка регулирующих механизмов должно возникнуть. А все то, что происходит в нашем обществе в последние двадцать лет, идет ровно в обратную сторону, в науке в том числе. ФАНО может быть, сделает много хорошего, прекратив практику обеспечения зарплат научных работников за счет сдачи в аренду площадей научных институтов. Но это не способ регулирования науки.

Инициативы типа Диссернет, наверное, очень хороши для того, чтобы вылавливать плагиат. Но таким способом заслон на пути плагиата не поставишь. И не поставишь заслон на пути просто плохих диссертаций, появление которых приводит к деградации науки.

Если из обихода исчезают, целенаправленно упраздняются на государственном уровне регулирующие функции профессиональной этики,

которые призваны регулировать такие сферы, как науки, здравоохранение, образование, то перспективы мне кажутся очень удручающими. Образование, здравоохранение – это, что называется, доверительные блага, где вообще все держится не на товарно-денежных отношениях, а на доверии, которое операционализируется через институт репутации.

Кто заплатит за санкции? Мне кажется, не только средний класс. Платить будут все разом, все вместе. Это будет точно так же размазано по всему обществу, как был размазан по всему обществу рост материального достатка нулевых годов. Слава Богу, до голода дело не дойдет. Но все туда приблизятся. И это тоже будет способствовать задержке возникновения заново регуляторов более высокого порядка, чем количественно стоимостные.

М.Д. Красильникова. Я хочу обратить ваше внимание на то, что мы возвращаемся к началу нашего разговора – к тому типу адаптации который, собственно говоря, и предопределил все дальнейшее развитие на пятнадцать лет вперед. Это была понижающая адаптация. Потому что эти самые трудовые механизмы и предпринимательская активность, которая тогда были наиболее эффективными (это мы уже зафиксировали где-то в середине разговора), были понижающими. Адаптация вообще-то была упрощающей. И это все было заложено тогда.

О.М. Здравомыслова. Потому что она была архаической.

М.Д. Красильникова. Дело не в том, что она была архаической, а дело в том, что на самом деле, с моей точки зрения, никакой особенно демократической или там либеральной революции в 91-м году отнюдь не произошло. С моей точки зрения, всего лишь реализовалась потребность снять этические нормы идеального коммунизма, которые, в общем-то, были уже как вериги для правящей партийно-хозяйственной элиты. Никаких других реальных результатов 91-го года на самом деле не было достигнуто. За это была заплачена некоторая цена в виде первичного накопления капитала и вошло в элиту некоторое количество новых лиц. Это невысокая плата за легализацию и конвертацию в денежный капитал партийно-хозяйственных привилегий образца СССР.

И поэтому все остальные механизмы, собственно говоря, нас туда и вернули. Так и произошло.